

4 (17) мая

Священномученик
Николай (Тохтуев)

Священномученик Николай родился 9 мая 1903 года в заводе Бымовский Осинского уезда Пермской губернии* в крестьянской семье. Род Тохтуевых происходил от крещеных татар, которые поселились здесь в первой половине XVIII века; это были потомственные кузнецы, отличавшиеся в своем деле большим мастерством. Прадед Николая Тохтуева, Осип Антипович, мог исправить такую поломку, которую в то время никто из бымовских кузнецов исправить не мог. Но, как среди многих мастеровых, в их среде тогда был широко распространен грех винопития. Погрешал этим и дед Николая, Николай Осипович; до пятидесяти лет это был прекрасный кузнец и добропорядочный человек, но, поработившись страсти, он подорвал свое здоровье и вскоре умер. Видя с детства, к чему приводит человека грех пьянства, отец Николая, Василий Николаевич, дал Богу обет не пить ни капли ничего хмельного – и выдержал его в течение всей своей долгой жизни.

Первое представление о книжном учении Василий получил от местного псаломщика, обучившего его грамоте, затем окончил сельскую школу. Огромное влияние на его воспитание оказала его мать, Мария Федоровна, женщина благочестивая, начитанная, воспитавшая Василия в строго религиозном духе и привившая ему любовь к чтению духовных книг. Сельская молодежь любила тогда собираться на вечеринки, но Василий лишь изредка посещал их, предпочитая им беседы на духовные темы со своим благочестивым другом, Василием Коноплевым**.

Василий Николаевич женился, когда ему исполнилось восемнадцать лет. В тридцать пять лет он овдовел, оставшись с четырьмя детьми, и женился на дочери священника Матвея Цветова, Марии, которой было тогда тридцать лет. У Марии Матвеевны с Василием Николаевичем родилось шесть детей.

Василий Николаевич был трудолюбивым земледельцем и хорошим хозяином, на своем поле он добился значительных урожаев, позволивших ему поправить хозяйство и выстроить новый дом. В тридцать лет крестьяне избрали его волостным старшиной и затем выбирали на эту должность четыре раза в течение двенадцати лет. На этом посту он стал известен как энергичный и справедливый человек, заботящийся о нравственном и материальном благосостоянии крестьянского общества. Узнав, что богатый мужик из соседнего села едва ли не до смерти бьет свою жену, он неожиданно застал его как раз в тот момент, когда тот собирался приступить к этому занятию; мужик пытался оправдаться, но Василий Николаевич спокойным тоном ему заявил, что если он хоть пальцем тронет свою жену впредь, то по приговору волостного правления ему будет устроена за избиение жены публичная порка. Стыд перед публичным позором отрезвил мужика, и он изменил свою жизнь. Впоследствии он вместе с женой пришел благодарить Василия

* Ныне село Бым Кунгурского района Пермской области.

** Впоследствии настоятель Белогорского Свято-Николаевского монастыря архимандрит Варлаам, преподобномученик; память 12/25 августа.

Николаевича «за науку». Слава о необыкновенном волостном старшине быстро распространилась за пределы волости, и в 1906 году Василий Николаевич был избран в 1-ю Государственную Думу от Осинского уезда. В Думе он не примыкал ни к каким партиям, присматриваясь и осмысливая происходящее, и, когда через три месяца Дума была распущена, он не присоединился к ее революционной части, а уехал домой.

*Василий Николаевич Тохтуев с супругой Марией Матвеевной и детьми,
(нижний ряд слева направо): Валентин, Николай, Глеб, Валентина,
Пелагия; (верхний ряд): Аркадий, Анатолий, Александра, Таисия и Раиса*

После пребывания в Государственной Думе он стал известным человеком в уезде и был избран в члены Осинской уездной управы. Ему было поручено вести делами строительства народных школ, библиотек и больниц. Одиннадцать лет он подвизался на этом поприще: под его руководством были построены десятки новых школ, в том числе и большая деревянная школа в Бымовском заводе.

После Февральской революции в 1917 году в стране началась анархия, и многие распропагандированные большевиками солдаты стали собираться под лозунгами социалистических идей в разбойничьи шайки; одна из таких шаек организовалась в Быму. Василий Николаевич был заочно приговорен ею к расстрелу как контрреволюционер. После всенощной под большой церковный праздник его ждали новоявленные революционеры у дома и у церковной ограды, чтобы арестовать и расстрелять, но Василий Николаевич вышел за ограду в другом месте, а затем несколько месяцев скрывался в лесу и дома в подвале в особо устроенном месте, о чем знали даже не все домашние. Затем началась гражданская война, и в село пришли войска Колчака. При их отступлении, наслышанный о беспощадных большевистских расстрелах, Василий Николаевич вместе с сыном Николаем сделал попытку уйти с белыми в глубь Сибири. Отъехав от дома на сто пятьдесят верст и попав на большой Сибирский тракт, он увидел, что по нему движутся десятки тысяч людей, которые непременно должны вскоре, по его представлениям, столкнуться с

большими трудностями, потому что некому было организовать для них ни ночлега, ни мест для приготовления пищи. И Василий Николаевич вернулся с сыном домой. Несколько раз большевистские власти его арестовывали, но всякий раз ему удавалось доказать свою невиновность, и его отпускали.

Огромное влияние на воспитание Николая оказала его мать, Мария Матвеевна. Ее глубокая вера в Бога руководила всеми ее поступками. В глазах окружающих она была настоящей подвижницей. Ни разу никто не слышал от нее грубого или раздраженного слова или чтобы она говорила в повышенном тоне. Она была всегда тихая, приветливая и со всеми ровная, из детей никого не выделяла как любимчиков. Она целыми днями трудилась, погруженная во множество повседневных забот, но трудилась с радостью, не зная усталости и не замечая трудностей, что было возможно только непрестанно памятуя о Боге. Вечером она последняя укладывалась спать, потому что по дому нужно было довершить множество дел – что-то сшить, перешить, починить одежду, а ночью, стоя перед иконами на коленях, долго молилась, чаще всего читая Псалтирь. Утром она вставала раньше всех, чтобы успеть растопить русскую печь и испечь хлеб.

Бымовский завод расположен в девяти километрах от Белогорского во имя святителя Николая мужского монастыря, бывшего одним из ярких духовных явлений того времени на Урале, когда верой, трудолюбием, нелицемерным устремлением ко спасению сотен людей, но главным образом чудесной силой Божией, в течение двух десятилетий были воздвигнуты великолепные храмы одного из лучших монастырей России. При своем основании монастырь не имел никаких материальных средств, кроме веры его наместника архимандрита Варлаама и собравшейся вокруг него братии. Основанный в 1897 году в пустынном лесном месте, он скоро стал центром духовного просвещения Урала. Сюда приезжали великие князья, дворяне, крестьяне и рабочие уральских заводов. Число насельников в течение короткого времени выросло до пятисот человек. На вершине горы, откуда открывается вид едва ли не на сто километров округи, был воздвигнут величественный Крестовоздвиженский собор. Дом Божий, претворенный в действительность рукой человеческой, тут соперничал с творением Божиим – прекрасным миром, окружавшим монастырь. Здесь для паломника мир бесконечно великий становился родным и близким – творение Божие, глубочайший смысл жертвы Христовой и ежедневно приносимая Бескровная Жертва.

Одной из достопримечательностей Белогорского монастыря был хор, состоявший почти из ста человек, причем хор исполнял произведения только церковных композиторов, лишённые светских эффектов, и потому его пение создавало глубоко молитвенное настроение в душах молящихся, которых собиралось на праздники многие тысячи. После службы в большой монастырской трапезной паломников кормили, приглашая всех без различия к общему столу. Здесь соседствовали дворяне, крестьяне и нищая братия. Люди обеспеченные предпочитали простую монастырскую трапезу всем излишествам и изыскам своей. Она как будто и была тем благодатным хлебом насущным, только и насыщающим по-настоящему человека, о котором Господь научил учеников просить в молитве. Большой поклонник народного просвещения, архимандрит Варлаам, стремясь сделать доступным книжное знание для живущих вокруг обители крестьян, собрал в монастыре библиотеку из десятков тысяч томов. Белогорский монастырь оказал

огромное влияние на окрестное население благочестием и глубоким нравственным и религиозным настроем своих насельников, и до прихода советской власти население этих мест не знало ни воровства, ни иных преступлений.

Близость к монастырю привлекала в Бымовский завод множество паломников, которые приходили помолиться в обитель каждый год на престольные праздники. Мария Матвеевна с любовью принимала их у себя, и во время белогорских торжеств дом Тохтуевых наполнялся паломниками, что оказало большое влияние на детей, познакомив их уже в раннем возрасте с рассказами о святых подвижниках и святых местах из уст очевидцев. И в самом Быму жили люди глубокой веры: благодаря ей они преодолевали все беды и неурядицы.

Через три дома от Тохтуевых жила раба Божия Ольга Ивановна, она была женой кузнеца – пьяницы и дебошира. Ольге Ивановне приходилось переносить много обид от своего мужа, который ее беспощадно бил и издевался над ней. Бывало так, что он намеренно приводил в дом любовницу и приказывал Ольге Ивановне ухаживать за ней и угощать. В ответ он никогда не слышал никаких возражений. Она только, точно какая блаженная, скажет: «Слушаю, Яков Агафоныч. Сделаю, Яков Агафоныч».

Ольга Ивановна была человеком глубокой веры и несомневающегося упования на Господа. Во всех трудных обстоятельствах, которых у нее было немало, она обращалась к Господу и Его святым. Однажды ее муж пришел домой ночью пьяным и уже на дворе разбушевался. Ольга Ивановна, не зная, как справиться с буйством мужа, попросила святителя Николая: «Никола-угодник, что-то я себя сегодня плохо чувствую, больная вся. Отведи его руку». А муж в это время вошел в дом, снял тулуп и приготовился бить жену. Занес над ней кулаки – и вдруг в окно постучали. Он бросился посмотреть – нет никого. Он снова стал приступать к жене с кулаками – снова раздался стук в окно, но только уже сильнее. Он опять глянул в окно – нет никого. От охватившего его страха он мгновенно протрезвел, велел жене подать ужин, а затем, не сказав ни слова, лег спать.

Благочестие родителей, близость подвижнического миссионерского монастыря и частое присутствие на монастырских службах оказали на Николая Тохтуева огромное влияние. В 1916 году он окончил двухклассное училище в Быму и на следующий год поступил в училище псаломщиков при Архиерейском доме в Перми. По окончании в 1919 году училища, Николай был назначен псаломщиком в Свято-Троицкую церковь в селе Ашапа. 14 мая 1922 года он был рукоположен во диакона к этой церкви, в 1923 году направлен служить в Петропавловскую церковь села Уинского, в 1924 году переведен в Николаевскую церковь в селе Кыласово. В это время у диакона Николая открылся красивый и мощный бас, какого не было ни у одного из диаконов Кунгура и Перми, и 26 января 1925 года епископ Кунгурский Аркадий (Ершов)^{*} позвал его служить в градо-Кунгурский Успенский кафедральный собор. Владыка любил диакона Николая за его простоту, добродушие и нестяжательность. В 1925 году в Неделю Православия диакон Николай был возведен в сан протодиакона и награжден двойным орарем.

^{*} Священномученик Аркадий (в миру Александр Павлович Ершов); память 21 октября/ 3 ноября.

Все двадцатые и последующие годы сотрудники ОГПУ вели наблюдение за священнослужителями: одних арестовывали, других склоняли к сотрудничеству, третьих принуждали к оставлению служения в храме.

Епископ Кунгурский Аркадий (Ершов) и протодиакон Николай Тохтуев

Случайный свидетель, деревенский подросток, в мае 1931 года показал, что был в кунгурской церкви на праздник Успения Пресвятой Богородицы; после службы его позвал к себе на чай протодиакон Николай, который ему стал говорить, что советская власть задушила духовенство налогами.

Протодиакон Николай был вызван в ОГПУ, и ему под угрозой ареста было предложено дать подписку о сотрудничестве с органами ОГПУ в качестве секретного осведомителя и сообщать обо всем, что происходит среди церковно- и священнослужителей. Подписку протодиакон дал, но сотрудничать не стал.

В 1931 году Василия Николаевича лишили избирательных прав как бывшего члена Государственной Думы, и двое его сыновей, один из которых протодиакон Николай, как дети лишенца, были отправлены в тыловое ополчение, условия жизни в котором мало чем отличались от лагерных. Большую часть времени тылополченцы выполняли тяжелую работу часто в трудновыносимых условиях – рыли котлованы и возводили корпуса заводов. Протодиакон Николай был отправлен на работу в Екатеринбург.

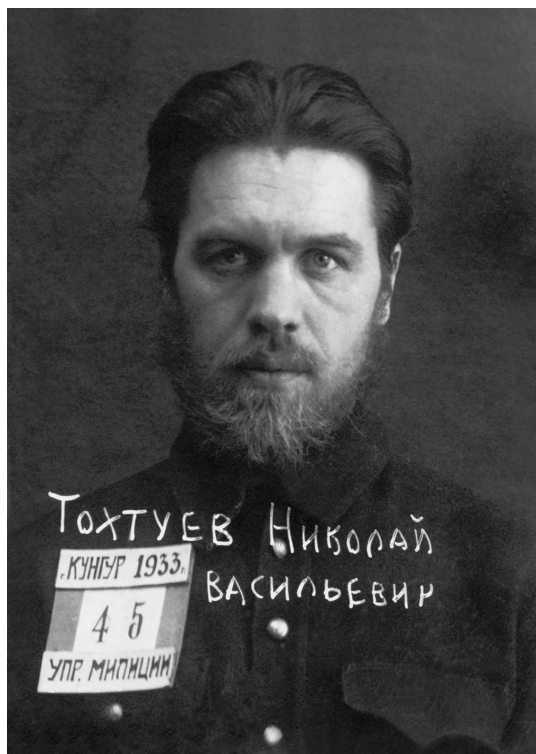
В декабре 1932 года сотрудник ОГПУ, «рассмотрев агентурную разработку “труженики”...»¹ нашел, что некоторые священники и миряне, «будучи недовольны советской властью и ее мероприятиями на селе, ведут активную антисоветскую деятельность среди населения, предсказывая скорую гибель советской власти, кончину мира, пришествие Страшного Суда и распространяют разного рода “святые письма”. Особенно активную деятельность фигуранты разработки развернули за последнее время, поэтому... – постановил он, – фигурантов разработки “труженики”... оперативно изъять и привлечь к ответственности»².

Были произведены аресты, всего по делу было арестовано двадцать семь человек. Протоиерей Николай был арестован 19 января 1933 года и помещен в кунгурскую тюрьму. Его посадили в подвальную камеру, рассчитанную на десять человек, в которую поместили пятьдесят. В камере стояли сырость, духота и табачный смрад, она не проветривалась, и в ней нечем было дышать. Люди по очереди пробирались к отверстию волчка в двери, чтобы хотя немного вдохнуть свежего воздуха, но напротив камеры находилась уборная, и оттуда тянуло тяжким зловонием. Некоторые умирали, не выдерживая этих условий.

В этой камере отец Николай пробыл полгода; укрепляемый Господом, он остался тверд в вере и, вызванный на допрос, заявил, что является убежденным верующим человеком, что он верит, что будет приход на землю антихриста, второе пришествие Христа, Страшный Суд и кончина мира. «Но сроков этой кончины мира я не устанавливал и не предсказывал, – сказал он следователю. – Разного рода “священные письма” я не распространял... Разговоров о кончине мира я... не имел... Существование советской власти несовместимо с религией и моими убеждениями, так как советская власть проповедует атеизм, безверие...»³

31 января следователь снова допросил протоиерея, поинтересовавшись, давал ли тот подписку о сотрудничестве с ОГПУ.

«В 1931 году я давал органам ОГПУ подписку о сотрудничестве в качестве секретного агента по освещению контрреволюционной деятельности церковников и духовенства, но я не только не выполнял эту подписку, а сам вел антисоветскую деятельность. С советской властью я считаю и признаю ее постольку, поскольку это не вредит вере. От дальнейших показаний отказываюсь»⁴, – сказал протоиерей.

*Протоиерей Николай Тохтуев.
Кунгур, тюрьма ОГПУ. 1933 год*

Все арестованные были обвинены в развале хозяйственных планов коммунистического правительства. «В деревне Подовиха... развален колхоз, из состоящих в колхозе 36-ти хозяйств осталось 12, – писали сотрудники ОГПУ. – В том же сельсовете в деревне Матвеевка колхоз, состоящий из 12-ти хозяйств, развален совершенно. Кроме того, под влиянием агитации членов организации, хлебозаготовки по Вислянскому сельсовету... к концу 1932 года были выполнены только на 70 %, несмотря на соответствующие нажимы со стороны власти, и только после ликвидации организации хлебозаготовки по сельсовету и по району были выполнены полностью»⁵.

28 мая 1933 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило протодиакона Николая к трем годам ссылки на Урал.

Находясь в кунгурской тюрьме, протодиакон заболел тифом и после вынесения приговора был освобожден, чтобы следовать на место ссылки вольным порядком, но тиф дал осложнения, и до ноября он не смог стронуться с места. Выздоровев, отец Николай по совету близких поехал вместо ссылки в Москву и с конца 1933 года стал служить в одном из храмов Калужской епархии. В 1934 году он перевелся служить в храм в городе Наро-Фоминске Московской области.

Настоятелем храма был протоиерей Сергей Павлович Павлов, благочинный Наро-Фоминского района; он состоял на службе в НКВД в качестве секретного осведомителя и занимался сбором сведений о священнослужителях и верующих. Он потребовал, чтобы протодиакон Николай дал показания в НКВД как лжесвидетель. И когда отец Николай отказался, протоиерей пригрозил, что посадит его за это в тюрьму, одновременно пообещав, что, если протодиакон согласится, он его от НКВД защитит.

Поразмыслив над тем, что священнослужителей в Наро-Фоминском районе уже почти не осталось и протоиерей непременно исполнит угрозу, протодиакон Николай в 1935 году перешел служить в Покровский храм села Петровское. Но поскольку этот храм находился в том же благочинии, отец протодиакон не чувствовал себя здесь в безопасности от преследований осведомителя и в январе 1938 года перешел служить в храм святых бессребреников Космы и Дамиана в поселке Болшево. Поселившись в Болшево, он стал брать уроки пения у руководителя ансамбля песни и пляски Александрова; его пригласили в ансамбль певцом, предложили место в Большом театре, но протодиакон остался служить в храме Божиим.

В декабре 1939 года была арестована группа православных мирян, с одним из которых, Тимофеем Князевым, был знаком протодиакон Николай, так как тот был прихожанином Космодамианского храма и подрабатывал тем, что пилил для храма дрова. При аресте он показал: «Я... говорил везде среди лиц, которые меня окружали, и среди которых я вращался... что в Евангелии написано: будет положено начертание на правую руку или на лоб (чело), что нельзя будет никому ни купить, ни продать, кто будет иметь это клеймо... Вот мы в силу таких религиозных размышлений и объявили себя не гражданами СССР, отказались от трудовых книжек, не стали ставить на паспорта фотокарточки и отказались от законов, существующих в СССР»⁶.

Тимофей Князев показал также, что хорошо знаком с протодиаконом Николаем Тохтуевым и у него с ним были беседы о том, нужно ли ходить голосовать или нет за

кандидатов в местные советы. Мнения их на этот счет разошлись. Тимофей Князев считал, что голосовать не нужно, протодиакон – что нужно. Для разрешения вопроса они отправились к священнику, который пользовался у них авторитетом. И тот, исходя из текстов Священного Писания, поскольку вопрос был поставлен в религиозной плоскости, показал, что нет греха в том, чтобы голосовать. Протодиакон послушался, а Князев остался при своей точке зрения.

Протодиакон Николай Тохмуев

В Великую Пятницу Страстной седмицы 26 апреля 1940 года в дом, где жил протодиакон, пришел человек в штатском и, показав отцу Николаю повестку, сказал: «Вас вызывают в Мытищинское отделение НКВД. Собирайтесь!»

Протодиакон попрощался с семьей и сказал: «До свидания, – вернусь или нет, неизвестно».

Метрах в пятидесяти от дома их ждала легковая машина, и они поехали в районное отделение НКВД, где сразу же состоялся допрос.

Следователь спросил, арестовывался ли когда-нибудь протодиакон. Сначала тот отрицал факт ареста и приговора, но затем, признав это, сказал, что готов нести ответственность за то, что уклонился от ссылки. Следователь спросил, знает ли протодиакон Тимофея Князева, дав при этом понять, что хорошо осведомлен об их знакомстве на основании показаний самого Князева, а также и об отношении Князева к советской власти.

– Вам было известно об антисоветском настроении Тимофея Князева? – спросил следователь.

– Да, об антисоветском настроении Тимофея Князева мне было хорошо известно, он открыто его высказывал в моем присутствии.

– Значит вы, зная об антисоветском настроении его, никому об этом не сообщали?

– Да, я знал, что Князев антисоветски настроен, но я об этом никому не говорил и не довел до сведения советской власти.

– Значит, вы прикрывали его?

– Да, это так.

– Признаете ли вы себя виновным в том, что вы, зная об антисоветской деятельности Князева, не сообщили органам советской власти?

– Да, я признаю себя виновным в том, что я, зная об антисоветской деятельности Тимофея Князева, не сообщил об этом органам советской власти.

На этом допрос был закончен. После того как протоиерей подписал протокол, следователь, пригрозив, что загонит его самого на восемь лет в лагерь, предложил ему сотрудничать с органами НКВД, выявляя всех антисоветски настроенных лиц. Протоиерей согласился и вторично дал подписку о сотрудничестве, обязуясь держать сведения об этой договоренности в строжайшем секрете. Прощаясь, сотрудник НКВД приказал ему явиться в районное отделение НКВД на следующий день после Пасхи, 29 апреля.

Отец Николай, предполагая, что домой он уже не вернется, предупредил старосту храма, что его вызывают в НКВД и поэтому ему придется пропустить службу. Перед тем как идти, он собрал сумку со всем необходимым в заключении и простился с семьей. У него уже было написано краткое заявление с отказом от сотрудничества, которое он сразу же по приходе вручил начальнику районного отделения НКВД.

*Протоиерей Николай Тохтеев
с супругой Марией Евгеньевной и детьми*

«Товарищ начальник, – писал он, – я отказываюсь от своей подписки и давал ее лишь потому, чтобы мне была возможность встретить Пасху и проститься с семьей. По моим религиозным убеждениям и по сану я не могу быть предателем даже самого злейшего моего врага...»⁷

Начальник, прочитав заявление, предложил все же подумать и не отказываться и отпустил отца Николая домой. Но тот остался в своем решении тверд, приготовившись пострадать за Христа. В объяснение своей позиции он составил пространное заявление на имя начальника районного отделения НКВД.

«Гражданин начальник! – писал он. – Разрешите мне объясниться с Вами письменно: я говорить много не умею по своей необразованности. Что вы от меня требуете, то я сделать не могу. – Это мое последнее и окончательное решение. Большинство из нас идет на такое дело, чтобы спасти себя, а ближнего своего погубить, – мне же такая жизнь не нужна. Я хочу быть чистым пред Богом и людьми, ибо, когда совесть чиста, то человек бывает спокойный, а когда не чиста, то он не может нигде найти себе покоя, а совесть у каждого человека есть, только она грязными делами заглушается, а потому я не могу быть таким, каким Вы бы хотели...

Вы мне обещаете восемь лет – за что же? За то, что я дал жизнь детям? Их у меня семь человек, и один другого меньше. Старший сын двенадцати лет перешел в 6-й класс, второй сын десяти лет перешел в 4-й класс, третий сын восьми лет перешел во 2-й класс, четвертый сын шести лет, пятый сын четырех лет, шестая дочь двух лет и седьмому только еще два месяца; жена больная, не может взять ребенка – так ей скорчил руки ревматизм и сердце болит. Советское государство приветствует и дает награду за многосемейность, а вы мне в награду восемь лет концлагеря пообещали – за что? Какой я преступник? Только одно преступление, что служу в церкви, но это законом пока не запрещено. Если я не могу быть агентом по своему убеждению, то это совершенно не доказывает, что я противник власти...

Хотя я и семейный человек, но ради того, чтобы быть чистым пред Богом, я оставляю семью ради Него... Разве не трудно мне оставить... семью в восемь человек и ни одного трудоспособного? Но меня подкрепляет и ободряет дух мой Тот, ради Которого я пойду страдать, и я уверен в том, что Он меня до последнего моего вздоха не оставит, если я Ему буду верен, а отчет мы все должны дать, как жили мы на земле...

Вот вы говорите, что мы обманываем народ, одурманиваем и прочие безумные глаголы, – а можете ли вы об этом определенно сказать, когда, может, и церковных книг не брали в руки и не читали их и не углублялись в христианскую веру, а судите поверхностно, что, мол, у нас написано в газетах и книгах, то верно, а что за тысячу лет написано было до Христа и про Него, что Он будет и так-то поживет, и такой-то смертью умрет и воскреснет (это за тысячу лет пророками было написано и уже сбылось), так это, по-вашему, неверно. Или вот, скажем, радио передает за тысячи верст без проволоки, – как это остаются слова в эфире и передаются, а весь человек куда-то девается, исчезает? Нет, он никогда не исчезнет и никуда не девается, умрет, истлеет и потом воскреснет в лучшем виде, как зерно, брошенное в землю...

Вот уже двадцать три года существует советская власть, и я ничем не проявлял себя враждебным по отношению к ней, был всегда лояльным, исполняя все распоряжения власти, налоги всегда выплачивал исправно, дети мои учатся в советской школе, и вся моя вина лишь в том, что, будучи убежденным христианином,

я твердо держусь своих убеждений и не хочу входить в сделку со своей совестью... И вам не могу услужить, как вы хотите, и перед Богом кривить душой. Так я и хочу очиститься страданиями, которые будут от вас возложены на меня, и я их приму с любовью. Потому что я знаю, что заслужил их.

Вы нас считаете врагами, потому что мы веруем в Бога, а мы считаем вас врагами за то, что вы не верите в Бога. Но если рассмотреть глубже и по-христиански, то вы нам не враги, а спасители наши – вы загоняете нас в Царство Небесное, а мы того понять не хотим, мы, как упорные быки, увильнуть хотим от страданий: ведь Бог же дал нам такую власть, чтобы она очищала нас, ведь мы, как говорится, заелись... Разве так Христос заповедовал нам жить? – да нет, и сто раз нет, и поэтому нужно стегать нас, и пуще стегать, чтобы мы опомнились. Если мы сами не можем... то Бог так устроил, что вы насильно нас тащите в Царство славы, и поэтому нужно вас только благодарить»⁸.

4 июля 1940 года была выписана справка на арест протодиакона Николая; он обвинялся в том, что, «являясь враждебно настроенным к существующему в СССР политическому строю, был тесно связан с отдельными участниками группы... существовавшей в Мытищинском районе, Князевым и другими (арестованы в 1939 году и осуждены в 1940-м)... Зная об открытых высказываниях Князевым... антисоветских настроений... укрывал его и не довел об этом до сведения органов советской власти...»⁹.

В ночь с 5-го на 6 июля отец Николай был арестован и заключен во внутреннюю тюрьму НКВД на Малой Лубянке. Сразу же после ареста следователь допросил его.

– Приведите конкретные факты антисоветских проявлений со стороны Князева!
– потребовал следователь.

– С Тимофеем Михайловичем Князевым я познакомился осенью 1939 года, когда он нанялся... пилить и колоть дрова для церкви. В возникшем разговоре относительно выборов... Тимофей Князев спросил меня: «Ну как, голосуете?» Я ответил утвердительно. А он на это мне заявил: «Верующим голосовать нельзя, я голосовать не буду, я и в переписи участия не принимал...» Я Князеву не поверил и предложил ему поехать узнать к священнику воловниковской церкви Клинского района отцу Сергию... В конце 1939 года я и Князев ездили к отцу Сергию и спрашивали у него, можно ли голосовать верующим. Отец Сергий по церковному Писанию доказал нам, что голосовать можно и верующим, но Князев ему не поверил и остался при своих убеждениях. А я остался спокойным за то, что голосовать разрешается.

– С какой целью вы ездили к отцу Сергию?

– За тем, чтобы спросить, можно ли голосовать верующим.

– А если бы отец Сергий сказал, что голосовать верующим нельзя, вы бы голосовали?

– Если бы отец Сергий сказал, что голосовать верующим нельзя и что он сам голосовать не будет, я бы голосовать не стал.

– И вы бы тогда разъясняли об этом всем верующим?

– Никому бы я разъяснять не стал, не голосовал бы только сам.

– Назовите ваших близких знакомых, где они находятся и чем занимаются?

– Близких знакомых у меня нет.

– А со священниками болшевской церкви, другими служителями религиозного культа и верующими разве вы не поддерживали близких отношений?

– Нет, не поддерживал. Со священниками... болшевской церкви у меня был разговор только во время службы исключительно по служебным надобностям. Я в разговоры с ними не вступал, опасаясь, что кто-нибудь из них мог быть агентом НКВД, они тоже склонности к разговорам со мной не проявляли.

– Какие у вас взгляды относительно тех, кто помогает советской власти разоблачать контрреволюционно настроенные элементы?

– Я считаю их агентами-предателями, и сам таким никогда не буду ни при какой власти: ни при советской, ни при царской, ни при фашистской.

– Какие у вас взгляды относительно жизни на земле и вне нее?

– Я считаю, что в жизни на земле много несправедливостей, что жизнь человека не может кончиться его земной жизнью и будет продолжаться после его смерти на небе, так как должен Кто-то разобрать все эти несправедливости и воздать каждому по его заслугам.

– В чем же вы видите несправедливость земной жизни?

– Каждый старается предать своего ближнего...

– В чем вы видите предательство ближнего?

– Каждый спасает свою шкуру, а до другого ему дела нет.

– Приведите конкретные факты к предыдущему ответу.

– Я это отношу только к священнослужителям, которые записались в агенты НКВД и, чтобы их не посадили самих, предают своего ближнего.

– Каковы ваши взгляды относительно газет и книг?

– В газетах и книгах, я считаю, неправильно пишут то, что касается религии; я верю всему, что написано в Священном Писании.

25 июля 1940 года следствие было закончено и протодиакона ознакомили с материалами дела. 2 сентября 1940 года Особое Совецание при НКВД приговорило протодиакона Николая к восьми годам заключения в исправительно-трудовом лагере, и он был отправлен в Севжелдорлаг в Коми области. Последнее письмо он написал своим родным из поселка Кожва в начале 1943 года. Протодиакон Николай Тохтуев скончался в заключении 17 мая 1943 года и был погребен в неизвестной могиле.

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века.

Составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Май».

Тверь. 2007. С. 33-51

Библиография

Тохтуев Г.В. Кое-что о предках, Родине и себе (воспоминания о прошлом). Киев, 1978. Рукопись.

Газ. «Калининградская правда». 1996. 4 июля.

Газ. «Приходской листок». 1999. Сентябрь.

Королев Виктор. Простите, звезды Господни! Фрязино, 1999. С. 25-34.

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Дополнительный том IV. Тверь, 2006. / Составитель жития игумен Дамаскин (Орловский). С. 99-117.

АМП. Послужной список.

ГОПАПО. Ф. 641/1, оп. 1, д. П-8768.

Примечания

¹ ГАПО. Ф. 641/1, оп. 1, д. П-8768, т. 1, л. 1.

² Там же.

³ Там же. Л. 208.

⁴ Там же. Л. 209.

⁵ Там же. Л. 402.

⁶ Там же. Т. 2, л. 39.

⁷ Там же. Л. 44.

⁸ Там же. Л. 59-63.

⁹ Там же. Л. 1-2.